

Сарьянова Роза

Далекое эхо...

12+

Роза Сарьянова

Далекое Эхо...

<https://litres.ru/74255413>

SelfPub; 2026

Аннотация

Это воспоминания участников Великой Отечественной войны; память о тех, кто боролся для того, чтобы у нас была мирная и счастливая жизнь. Герои книги – люди сильных характеров, закаленных суровой войной. В своих рассказах автор пытается увидеть за фактом нечто большее, увидеть образ национального характера, его наиболее значимые черты.

Содержание

Предисловие	4
День Победы	6
Бабушка и внучка	12
Расстрел	19
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Далекое эхо...

Предисловие

Все дальше и дальше уходят от нас годы войны. Сегодня сидят за партами правнуки тех, кто защищал нашу Родину во время Великой Отечественной войны. Нашим детям повезло родиться под мирным небом и не знать ужасов тех кровавых событий. Люди старших поколений помнят, так было не всегда. Рассказы Розы Сарьяновой – это воспоминания, память о тех, кто боролся для того, чтобы у нас была мирная и счастливая жизнь. Герои книги – люди сильных характеров, закаленных суровой войной. В своих рассказах автор пытается увидеть за фактом нечто большее, увидеть образ национального характера, его наиболее значимые черты.

Каждая строчка в этой книге написана душой, каждый рассказ пронизан авторским чувством и смыслом. Зримо видишь, сопереживаешь и проникаешься уважением к героям рассказов Розы Сарьяновой. Несомненно, воспоминания автора имеют познавательное и воспитательное значение для наших детей и современной молодёжи. Роза Шавалиевна и сама образец подражания для молодых, она Почетный работник общего образования Российской Федерации, кандидат педагогических наук.

Книга будет интересна широкому кругу читателей тем,

что показывает яркие судьбы, увиденные талантливым педагогом и начинающим писателем. И пусть уже немало написано воспоминаний о той тяжелой поре, но даже история одного послевоенного поколения, пусть самая малая, это неотъемлемая частица истории всего нашего народа.

Екатерина Володина

Член Союза российских писателей,

Член Ассоциации писателей Урала

День Победы

День Великой Победы для каждого взрослого человека в нашей стране – особенный день, личный праздник. Со своим внутренним мироощущением, мыслями, радостями, горестями, воспоминаниями, песнями, запахом сирени и гвоздик.

Величие этого дня каждый осознает по-своему. Для меня День Победы – особенный, он всегда незабываем, со слезами на глазах и какой-то глубиной невысказанных чувств. Нет, я не воевала, но имею к этой дате свое отношение: воевал мой дед, который пришел без ноги с войны в тысяча девятьсот сорок втором году. Умер он от полученных ран, не прожив и шестьдесят четыре года...

Добровольцем ушел на войну в тысяча девятьсот сорок втором году мой отец, семнадцатилетний паренек. Нет, я не воевала. Не была на фронтах войны, где сражался мой отец.... Не голодала, как моя бабушка, не стояла круглосуточно у станка, как моя мать.

Я родилась после войны. И про страшную войну я узнавала по книгам и по художественным фильмам. Не любили рассказывать про войну ни дед, ни отец. В те послевоенные годы, все, кто воевал, не любили вспоминать об этом. Стыдились своих слез, не хотели ворошить страшные воспоминания. Детским умом как-то понимала, что рассказывать о

войне всю правду взрослые не хотят: зачем бередить раны, сеять сомнение в неокрепших душах молодого поколения!

Впервые осознала величие этого дня, когда с размахом отметили в стране тридцатилетие Победы. В нашем сельском клубе тоже чествовали фронтовиков. Никогда не забуду рассказ директора школы, тоже бывшего фронтовика. Ни о подвигах наших земляков он рассказывал, ни о своих боевых заслугах. Сухие официальные цифры из его рассказа стали для меня таким откровением, что потрясли до глубины души.

С этого дня для меня День Победы – это память о тех ста сорока семи наших земляках, которые ушли сражаться за Родину. Вернулись восемьдесят три мужчины и одна девушка. Умерли за пять послевоенных лет от полученных ран, контузий двадцать пять мужчин, оставив сиротами своих детей, вдовами молодых жен.... Вот о чем не любили говорить фронтовики. К тому же за погибшего на войне кормильца положена была хоть маленькая, но пенсия. А в мирное время это уже героической смертью не считалось.

Слушала я, студентка последнего курса института, затавив дыхание, этот скупой рассказ, который стал откровением для меня. Ведь и в нашем классе учились сироты, а нам даже в голову не приходило, отчего это так. И одевались они бедно, и болели чаще других, и недоедали, и в школьную столовую с нами не ходили. Их кормили отдельно, под насмешливыми взглядами мальчишек – одноклассников они давились

бесплатным обедом. И никто из них после восьмилетки не пошел учиться в старшие классы, они рано повзрослели, все поступили в профтехучилище, а через год, получив специальности тракториста, каменщика, штукатура, начали работать. Стыдно мне теперь, что мы, чьи отцы остались живы, кто смог безбедно учиться, принимали все это, как обычное явление. Я и сейчас чувствую, как щемит моё сердце...

На сцену для награждения ценными подарками стали приглашать ветеранов. Друг за другом поднимались на сцену поседевшие участники войны. Господи, да я знаю их всех! Вот этот ветеран, что без ноги живет на соседней улице, а этот со страшным шрамом на лице – отец моей одноклассницы. Я видела этих мужчин-инвалидов каждый день, но никогда и в голову не приходило, почему у этого дяди нет руки, у другого нет кисти руки, у третьего нет обеих ног. И два друга покупают на двоих одну пару сапог, еще и радуются: вот ведь как повезло, а оказывается – что у одного отрезало на войне левую, у другого правую ногу.

Опираясь на костыли, палочку, получив подарок, не привыкшие к такому вниманию, смущаясь, немногословно благодарили и садились на свои места рядом с женами.

Самым здоровым выглядел маленького роста тщедушный мужчина. Его я тоже знаю, он отец ещё одной моей одноклассницы. На первый взгляд у него нет никакого увечья. О нем рассказывали соседки полупшепотом. С ним на войне произошло что-то нехорошее, что нам знать не полагалось.

Дочь его никогда не приглашала нас к себе домой. Об отце рассказывала мало, он и сам был молчуном, держался особняком. И работу выбирал себе такую, чтобы быть наедине: был пастухом, за стадом коров приглядывал. Поговаривали, что он болеет «падучей», болезнью, как в народе прозывают эпилепсию. Пугали ею маленьких детей: если будешь смотреть на него во время припадка, испугаешься и сам заболеешь.

Что с ним случилось в тот вечер, никто не понимал. Возможно, волнение от восприятия праздника сыграло свою роль, когда впервые за долгие годы услышал добрые слова в свой адрес, но со сцены ушел не сразу. Замешкался, топтался на месте. Потом попросил слово. Все в зале удивленно притихли, прислушались.

Взрослый седой мужчина доверился землякам рассказать про свою войну. О том, что он, семнадцатилетний паренек, попал в плен в первые же дни войны. Как голодал, бежал, не раз умирал, но выжил. Был в концлагере. Как их, доходяг, в апреле тысяча девятьсот сорок пятого года, перед приходом наших войск, строем повели в газовую камеру. Почему-то сжалился над ним часовой, поляк по национальности. Немец бы не пожалел, нет! Часовой оттолкнул его за дверь, и он потерял сознание, а вся колонна смертников прошла мимо. Да, чудом остался в живых. И с этого дня он заболел.

После войны отсидел уже в наших лагерях, был объявлен врагом народа. И это было ничто в сравнении с тем, что за-

живо мог быть сожжен в крематории.

Он рассказывал, задыхаясь, заливаясь слезами, хватаясь за голову.... Потом встал на колени и поклонился: «Простите меня, земляки, не довелось мне воевать с вами. Такова судьба, видно. Но предателем я никогда не был!».

Вместе с ним плакал весь зал. На сцену поднялась жена с плачущими двумя маленькими сыновьями, и вместе они увели его из зала. Вскоре не стало этого многострадального человека, не выдержало сердце очередного приступа...

Поднялись на сцену другие ветераны, оставшиеся в живых к тридцатилетию Победы, это двадцать два мужчины и одна женщина, среди которых не было ни одного здорового. Они, волнуясь, проникновенно говорили о той войне и о том, какой ценой досталась Победа. Вот таким запомнилась День Победы.

Сегодня шестьдесят семь лет нашей великой Победе. Слава Богу, что мир существует столько же!

Спроси любого человека, что значит для него 9 Мая, этот великий праздник, и – не получишь одинакового ответа. Это праздник радости, где не забыт ратный подвиг ветеранов. Грустный праздник, не дожили до этого мирного дня многие фронтовики. Уходят наши ветераны... Нет уже в живых моего отца, он умер шестнадцать лет назад. И моя мама, ветеран тыла, пережила его всего на шесть лет. А было бы им всего восемьдесят шесть лет.

Чествовали в нашем сельском клубе нынче всего 3-х

фронтовиков...

Да, у Дня Победы для каждого из нас свое лицо. Это особый праздник. Только скоро не останется в живых уже ни одного участника войны.

Так важно, чтобы помнили об этом дне мы, их дети, и передавали из уст в уста, как живую легенду, своим детям и внукам. Пусть День Победы во все времена будет великим величальным праздником.

В день Победы я обязательно достаю старый альбом, вглядываюсь в лица молодых ребят из пожелтевших фотографий. И передо мной встают те, кто пал на поле боя. Грустно оттого, что это фотографии молодых ребят, которые не успели ещё и жизни как следует увидеть, ни полюбить, не успели радоваться обычной мирской жизни. Не сумели насладиться молодой жизнью, не встретили своих суженых. Многие не смогли создать семью, не испытали сладкие муки материнства. И даже не могли досыта поесть.

Тогда я сажусь за письменный стол и пишу воспоминания о войне, которые мне успели рассказать мои родители. Знаю, я не имею права забывать эти истории, теперь я должна рассказать об этом детям, внукам. Далекое ли эхо войны? Да, может, далекое, прошло ведь столько лет. Нет, близкое! Не имеем права забывать об этих событиях, перевернувших мир, разделивших жизнь людей на две несоединимые половины: до и после. Эхо далекое и близкое...

Бабушка и внучка

Перед Днем Победы ко мне подошла внучка София. Хотя она учится только в первом классе, но очень любознательная и любопытная. Интересуется всем, переспрашивает, уточняет. Сегодня её учительница на уроке рассказала первоклассникам о Дне Победы. Задала домашнее задание: расспросить родителей, бабушек, дедушек о войне, подготовить рассказ о фронтовиках. Если сохранились в семье фотографии участников Великой Отечественной войны, попросила принести в школьный музей Боевой Славы. Вот внучка и подошла ко мне расспросами:

– Бабушка, расскажи, как было на войне? А страшно тебе было? Немцев ты видела?

Я не успела от удивления и слово вымолвить, как она опять затараторила:

– Бабушка, а у тебя есть военные фотографии?

Ну как тут не рассмеяться! Ведь, ей, маленькой крохе, все прошедшее кажется таким далеким. И меня, свою бабушку, рожденную уже после войны, она своим детским умом ребенка двадцать первого века приравнивает к событиям страшной войны.

Чем дальше отделяют нас годы от Великой Отечественной войны, тем меньше в живых остается ветеранов. Скоро некому будет рассказывать о тех и великих, и страшных значи-

мых событиях тех лет. А ведь война, Великая Отечественная война поделила двадцатый век на две эпохи: на довоенное и послевоенное время. Мы, поколение детей, родившихся после войны, выросли, всегда понимая и помня наказания фронтовиков, что худой мир лучше войны. А если забудешь, то рядом жили люди, помнящие об ужасном времени потерь, смертей, голода.

Посадила внуку рядом с собой на диван, достала семейный альбом и начала вспоминать истории, рассказанные дедом, бабушкой, матерью и отцом. Жизнь каждого из них, дорогих мне людей, сама и есть история нашего рода, нашей родины.

С чего же начать?

Наше поколение выросло, слушая героические истории легендарных людей. Наша пионерская дружина гордо носила имя Зои Космодемьянской, восемнадцатилетней московской комсомолки, бесстрашной разведчицы, замученной фашистами и повешенной в смоленской деревне. Мы скрупулезно изучали её биографию, создали школьный музей, переписывались её одноклассницей. Отличной учебой и поведением отстаивали честь быть зачисленной в состав экскурсионной группы. Поездка на Смоленщину в её дом-музей была великим событием. Надолго запомнился рассказ экскурсовода о последних минутах жизни храброй партизанки. Перед повешением, видя, как плачут согнанные на площадь женщины и дети, она обратилась к ним словами: «Не плачь-

те, товарищи, победа будет за нами, враг будет уничтожен».

Мы, поколение послевоенных октябрят, пионеров, комсомольцев, наизусть знали о подвигах пионеров-героев, о подвигах членов подпольной группы молодогвардейцев в Краснодаре: об Олеге Кошевом, Ульяне Громовой, Любе Шевцовой и многих других. К сожалению, сейчас школьники мало знают о наших героях, защитниках нашей земли родной.

Ветеранов войны с каждым годом становится все меньше и меньше. На мой взгляд, это люди, прошедшие через жернова войны, оставшиеся чудом в живых, имеют право рассказывать молодому поколению, даже назидательно, о тех далеких событиях. И не только рассказывать, но и требовать помнить историю нашу. Они имеют право требовать и у меня, чтобы я, внучка и дочь участников войны, не забывала свои корни, историю своей родины, своего рода. Я должна об этом рассказать, чтобы помнили мои дети, моя внучка.

Может быть, рассказать историю моего дяди Толи, старшего брата матери? Дядя Толя родился в тысяча девятьсот двадцать четвертом году. В начале войны ему было всего семнадцать лет. В начале сорок второго года он ушел на войну, воевал в пехоте, имеет и ордена, и медали.

Сухая послевоенная статистика ребят этого года рождения называет «смертниками». Оказывается, в «мясорубке» сорок второго года больше всего умерли именно ребята двадцать четвертого года рождения. Вернулся живым только каждый четвертый, трое молодых ребят погибли на войне,

сложили свои головы. Может быть, потому, что молодых ребят, не обученных солдатской службе, не нюхавших пороха, сразу вводили в бой? Это они стояли насмерть, это их на Курской дуге «утюжили», разровняли с землей фашистские танки. Это они бросались грудью на амбразуру, как Александр Матросов, обеспечивая ценой своей жизни наступление наших войск.

Дядя Толя тоже чудом остался жив. Если можно назвать чудом тот факт, что вернулся он с фронта в начале сорок пятого года, тяжелораненый, с тяжелой контузией головы, а правая рука висела кистью, не действовала.

После возвращения женился на своей любимой девушке, которая преданно ждала его три долгих года. Жена в нем души не чаяла. Прожили долгую, счастливую жизнь. В их большой, дружной семье было шестеро детей, правда, рождались одни мальчишки. Дядя Толя, человек тихий, мухи не обидит. Бывая у них дома, я неоднократно замечала такую картину. Если мальчишки за столом начинали шалить, он только брови поднимал дугой, тут же все успокаивались. Они не боялись его, а очень уважали. Таких прекрасных ребят воспитывала мама, жена дяди. До старости жена обращалась к мужу уважительно на «вы».

Однажды за чашкой чая она выдала моей матери тайну дяди.

– Для всех война закончилась давно, а для меня она продолжается и по сей день, – начала она рассказ.

Посмотрев на недоумевающий взгляд матери, продолжила дальше:

– Каждую ночь Анатолий вскакивает и с криком «Ура! За Родину! За Сталина!» идет в атаку. Все ещё воет, сердечный, с фашистами. Ведь вот нынче уже тридцать пятая весна Победы, а он все воет и воет, не успокоится, – сокрушалась она.

– А не пыталась разбудить его, – забеспокоилась за своего старшего брата моя мама.

– Попыталась будить однажды. Только он потом не может уснуть. И после этого у Толи голова очень сильно болит, контузия сказывается. Теперь я его не бужу, а только по головке глажу, переверну, обычно успокаивается. Вот так и воюем до сих пор с фашистами каждую ночь, – сокрушалась тетя.

Женщины ещё долго вспоминали всех фронтовиков, и тех, кто вернулся с войны, и тех, кто остался лежать в земле сырой.

Вот дядя Гриша вернулся, на первый взгляд, здоровый, как будто и не воевал. А как заговорит, то издает сиплый звук, его еле слышно бывает. А все оттого, что ранило его в шею, перебило голосовые связки. И прожил недолго, заболел, болело горло. Перед смертью полгода терпел страшные мучительные боли, не мог ни есть, ни говорить. Похудел так, что без слез ни взглянешь. Жена и дети, чтобы не разрыдаться при больном, лишний раз не подходили, не задерживались около постели.

Были ли они героями? Совершали ли героические поступки? А разве это так уж важно? Они уже герои только потому, что выстояли в этой войне, прижимались ко дну окопа во время артобстрела. Не убегали от воя самолетов. Не страшась, ползли по полю, чтобы взорвать фашистский танк. Находили в себе силы подняться в атаку под шквальным пулеметным огнем. Не трусили, не повернули вспять.

Прошло много лет после войны. Изменились фронтовики, постарели участники Великой Отечественной войны. Идут шаркающей походкой, дрожащей рукой подносят ко рту ложку, проливая иногда капли на белоснежную праздничную скатерть. Часто обижаются, как маленькие дети. Иногда бывает трудно с ними общаться, невозможно уговорить.

Нельзя осуждать их за маленькие проступки, нельзя ругаться. Нужно найти в себе силы уважительно относиться не только в день Победы, но каждый день. Вот чему нужно учиться самой, научить детей и, конечно, внуков.

Я начала свой рассказ, внученька. Это мой долг передать историю своего рода, чтобы ты помнила память о твоём прадеде, прапрадеде, о прабабушках твоих.

Написать об этих воспоминаниях – это мой долг.

Смысл творчества в радости созидания, в возможности осуществить свои замыслы, реализовать свои способности и возможности. Ведь радостнее жить, когда знаешь, что и твой след есть на земле, и ты сделал что-то для всего мира. Пусть это будет скромный вклад, но жить, только поглощая сделан-

ное другими людьми, стыдно.

Важно помнить, что ты – одно из звеньев бесконечной цепи поколений. Тебе надо передать память следующим поколениям, ты в ответе за сохранение бесценного наследия.

Расстрел

Маленькие детки, внучата, всегда с нетерпением ожидали приезда дедушки. Как только дедушка Коля приезжал из своей далекой деревни в гости, приставали к нему с расспросами:

- Расскажи, дедушка, как воевал?
- На войне страшно?
- А сколько ты фашистов убил?
- Дедушка, а ты герой? За что ты получил орден?
- Где твоя нога, дедушка? Где тебя ранило?

Дед отшучивался, давал односложные ответы. Говорил, что он мало воевал, рассказывать не о чем. Иногда, когда уж совсем надоедали, сердито говорил:

– Маленькие вы ещё страшные рассказы о войне слушать. Да и воевал я недолго, ранило меня в сорок втором году в ногу. Пролежал в госпиталях, не мог больше воевать без ноги, списали по инвалидности, отправили домой. А что вы все у меня спрашиваете, вот пусть отец ваш расскажет, он больше моего был на фронте, до Победы воевал.

Но мы – то хорошо знаем, что отец про войну никогда ничего не расскажет. Повзрослев, поняла, что не любили фронтовики про войну говорить. Им казалось, что ничего героического нет, для них война – это грязная, тяжелая работа.

А однажды дедушку как подменили. Было это, наверное,

на пятнадцатый год после войны, мне было лет семь – восемь. Приехал дедушка с бабушкой в гости. Взрослые уселись за стол в саду под яблоней. Мама, раскрасневшаяся от жаркой печки, суежилась больше обычного. Мы, счастливые, в предвкушении большого праздника и веселья, бегали между домом и садом, носили тарелки, ложки, еду.

Произносились тосты. Пили, нет, не водку, не принято было в семье пить крепкое спиртное – пили медовуху. Вспоминали погибших родственников, друзей детства, соседей. Взрослые, но плакали, плакали от радости, что сами живы остались. Потом отец взял гармошку, полились песни. Пели в нашей семье все: голоса хорошие, звонкие. Вся округа собралась слушать. Нас, ребятишек, приглашали к столу, угощали сладостями.

Потом женщины занялись хозяйством. Дед прилег на койку тут же, под яблонькой. А мы, несмотря на запреты матери не беспокоить деда, опять облепили его со всех сторон. Знаем, дед, веселый, добрейшей души человек. Он смешно рассказывал всякие истории из своего детства: про гражданскую войну, как их село из рук в руки переходило то к колчаковцам, то к чапаевцам. Вспоминал, как прятались в погребе, как во время обстрела полопались все стекла на окнах. Интересно рассказывал, как артист театра. А мы все ждали, когда же он нам про войну расскажет. В школе на классных часах часто ребята рассказывали, как воевали их деды или отцы, а нам, и сказать нечего. Но в этот вечер дедушка неожидан-

но заговорил о Великой Отечественной войне. То ли подействовала медовуха, то ли буйный запах цветущей черемухи и яблони, дед начал рассказ о войне:

– Ушел я добровольцем летом сорок первого. Только успел жену с детьми перевезти на родину в деревню с Урала, с металлургического завода, Оставил семью на старшего сына, на вашего отца, ему всего пятнадцать лет исполнилось. Семья у нас большая. Дети мал – мала меньше: кто под стол ходит, кто ползает. А тут узнал перед отправкой на фронт, что жена беременная, ребенка ждет.

Мне тогда тридцать восемь лет было. На фронте назначили меня сразу командиром взвода, может, потому, что самый старший был, может, потому, что грамотный. Молодые солдаты, чуть старше моего сына, «батей» меня звали, и я жалел их, как своих сыновей. Когда хоронили погибших, плакал, не мог сдерживаться.

Воевали мы тогда в юго-западном направлении, под Смоленском.

Однажды вызывает нас командир. Задача перед нами – марш-бросок, надо преодолеть в кратчайший срок большое расстояние. Нам, взводным, надо проверить снаряжение солдат, чтобы ничего не стучало, чтобы не мешало в пути. А самое главное – поднять боевой дух солдат, следить, чтобы никто не потерялся, не заболел в пути – головой отвечаем!

В темноте выступили, по утреннему холодку идти легче. А к десяти часам утра солнце стало припекать. И то, прав-

да, конец июля, самая жаркая пора. Остановиться нельзя ни на минуту: приказ идти в наступление. Солдаты выпили уже всю воду во фляжках, много ли той воды. Во время привала пытались найти родничок, чтобы воды набрать. А где её возьмешь для целого полка? Кругом болота, вода есть, но она мутная, грязная, её нельзя пить. Сколько не предупреждал, все-таки несколько солдат не выдержали, напились той воды.

Пошли дальше. Скорее побежали, слышна уже канонада. Скоро в бой. Но тут двое молоденьких солдат свалились, прихватили животы, начался понос. Ребята плачут: «Батя, разреши выйти из строя по нужде, догоним, побегим вслед».

Разрешил, что с ними делать, против естества не попрешь. Мы идем дальше. Впереди развилка, а ребят всё нет. Привал. Дошли до переднего края. Построение, проверка наличного состава. Вот тут и обнаружилось, что у меня во взводе двух солдат не хватает. Тут же меня арестовали, заставили снять ремень, велели сдать оружие.

Суд «Тройки» был коротким: «Виноват, способствовал дезертирам – расстрел на месте по законам военного времени». Отвели меня в сторону, как и ещё двух бедаг, приставили нам стражу. За что этих двух приговорили, не спрашивал. Осталось только привести приговор в действие, ждали расстрельную команду. Значит, жить осталось где-то полчаса – час.

Вся жизнь промелькнула перед глазами.

Мысль первая: эх, подвели ребята, неужели специально корчились, а сами задумали побег. Наверное, ударились в бега, побоялись идти в бой. Подвели своего «батю» под расстрел. Бог им судья.

Вторая: что будет с семьей? Сообщат семье, что отец их Николай – дезертир, предатель и враг народа. Местные власти начнут притеснять, как семью военного преступника. Наверное, отправят теперь всю семью в ссылку, как уже попытались в тысяча девятьсот тридцать шестом году. Тогда их семья тоже была в списке, подлежащих к раскулачиванию. Ведь у них был дом из двух комнат, в сарае корова, лошадь, жеребенок подрастал. Больше всего покоя не давало коммунарам – большевикам то, что когда – то его отец, старый Харитон, держал магазинчик. Лавку, как называли в деревне.

Спасибо соседу, который работал секретарем в сельсовете. Постучался темной ночью тихонько: «Дядя Харитон, раскулачивать будут вашу семью и еще две семьи, схорониться вам надо, хотя бы детей спасти».

Стареющий Харитон сказал, как отрезал:

– Никуда не уйду, я свое уже пожил. Сошлют – недолго осталось жить. Уходить надо тебе, Коля, с семьей, род на тебе не должен закончиться. Сестер твоих не достанут, всех шестерых замуж выдал, живут далеко, а ты у меня единственный сын. Береги внуков, пусть живет наш род. Будем живы, может, свидимся. Не свидимся, тебе моё родительское благословение.

Сосед Андрей помог со справкой. Помнит добро: как в первую мировую войну спас Харитон его семью от голодной смерти.

Ушли темной ночью: не по дороге шли, по лесу пробирались, дошли к утру до железнодорожной станции. Там тетка живет. Муж у неё на железной дороге обходчиком работал. Совет держали, куда им уехать. Муж тетки более опытный, видел беженцев; посоветовал ехать на Урал, на металлургические заводы, в Молотовскую область, так называли нынешний Пермский край.

– Там, слышал, можно без документов, всех принимают на работу. Правда, жизнь там, говорят, тяжелая, каторжная. Но зато на воле будете, в живых останетесь. Может, потом жизнь другая станет: все забудется – вернетесь.

Поехали, добирались с пересадками, добрались до станции Пашья, устроились. О себе передали весточку через тетку. И от неё же получили горестное известие. Отца, мачеху арестовали, отправили в ссылку. С отцом больше не встретился, он после ареста недолго прожил, умер. Не знаю даже, где похоронен, где его могила: общая ли она, на распутье ли дорог.

Действительно, на заводе жизнь хуже каторги, меня и жену по несколько суток не выпускали с завода. Заводские начальники хорошо понимали, что за народ приезжает сюда без документов. Знали, что никуда не денутся, никуда не пойдут жаловаться. Дети одни оставались в бараке. От холо-

да, от недоедания умерла младшая дочка. Так прошло четыре года.

И тут война. Хорошо, что успел семью в деревню перевезти. На другое утро ушел на фронт. Подумалось, хорошо ли? Теперь, наверное, побег тот припомнят, плохо придется старшему сыну, хотя ему всего пятнадцать лет, спросят как с взрослого. Повесят ярлык «сына врага народа», могут и семью арестовать. Вот и жена написала, что, хотя в открытую не говорят, косятся в деревне на их семью. Тут его как будто обожгло: жена беременная!

Третья мысль: эх, появится на белый свет невинное дитя сразу сиротой, не доведется увидеть и понянчить. Кто ты, не рожденное дитя: сын или дочь?

Четвертая мысль сверлит: какая нелепая смерть. Расстреляют меня как дезертира и врага народа. Лучше бы в бою убило. На людях и смерть красна.

Построили полк, стали приговор читать. Нас троих поставили под большой березкой. Попрощался я с жизнью, прочитал молитвы, что знаю. Попросил мысленно прощения у жены, у детей – не защитник я вам больше, тяжело придется вам, сироты мои!

Дед Коля замолчал, закрыл глаза, ещё раз переживая те страшные минуты. Потом открыл глаза, привстал на свою левую ногу, правой ноги ведь у него нет – покачнулся. К нему тут же подскочил наш отец. Дед выпрямился, опираясь на надежное плечо своего сына.

Такими я запомнил их, дорогих моему сердцу людей: вот стоят перед нами два солдата. На двоих всего три ноги. Но они опора друг для друга. Они защитники наши и родной земли нашей.

Дедушка обвел всех взглядом. Около нас собрались все: и взрослые, и дети – все притихли. Бабушка заплакала, мама украдкой слезы вытирала, папа насупился, уставился в землю, глаз не поднимает.

А дед повеселел и продолжил свой рассказ:

– Что спасло меня, не знаю: то ли молитвы мои Бог услышал, то ли дочка невинная (это ваша тетя Галя родилась в сорок втором году на восьмое марта). Прибежали мои солдаты, кричат издалека: «Стойте! Стойте!».

Потом рассказали, что они догоняли полк: только на развилке побежали по другой дороге. Лето, лес густой, не разобрались сразу. Потом опять до развилки вернулись, уже по той дороге побежали, по которой полк шел.

Приговор мне отменили, оружие вернули. Командир полка сказал:

– В бою смоешь, боец, свой позор. Живи и воюй.

Дальше воевал, как полагается. На другой день в бой вступили. Повел я ребят в атаку. Первым выскочил из окопа, я ведь, «батя». Бежал впереди, потом ничего не помню. Очнулся через несколько дней в госпитале. Снаряд взорвался рядом, меня накрыло землей. Столько в меня впилося того железа, что до сих пор в своем теле ношу. Не все вынули в

госпитале.

Хирург в госпитале сказал:

– Ну, солдат, я тебя надежно «заштопал». Вот тебе на память осколки снаряда. Что смог, то вытащил. Три осколка в спине остались, глубоко сидят, не стал трогать, будут мешать – уберем.... А вот один осколок рядом с сердцем находится, лучше не трогать. Конечно, опасно для жизни, но воевать сможешь. А так, все хорошо, радуйся, что жив остался.

После госпиталя от однополчан узнал, что тех двух молодых солдат из моего взвода, отставших в пути, в первом же бою убило, как и ещё многих.

Дедушка помолчал, вздохнул, смахнул слезу и продолжил:

– Никогда я не рассказывал, дети, о войне. Тяжело вспоминать. На войне, действительно, страшно. А всего хуже, если не в бою погибнешь, а по глупой случайности.

Дед попил водички, продолжил дальше:

– А я вот живой, мне довелось увидеть семью, дочку маленькую. Когда вернулся в начале сорок третьего с фронта, отца вашего уже не застал, он тоже ушел на войну. Слава Богу, сын тоже вернулся, остался жив. Я рад, что мне пришлось воевать: рад, что не расстреляли в самом начале войны, что не принял позорную смерть. Вот и весь рассказ о войне, внуки мои дорогие. Вся правда о ней. Я обиду ни на кого не держу, время было такое, военное. Ничего героического я не совершал, просто воевал.

Просто воевал мой дед, просто воевал мой отец, мой дядя, ещё один дядя, который погиб в бою под Курском. Они просто выполняли тяжелую, грязную, кровавую работу. Делали добросовестно свое дело – защищали родную землю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.